

Гречо Кристиан

Открытие

Вера направлялась домой из Нижнего города: после уроков ей нужно было занести домашнее задание своей приболевшей однокласснице. К счастью, та просто-напросто прогуляла: Вера с детства побаивалась всевозможных болезней и терпеть не могла объяснять арифметику сопливым и кашляющим подругам. Радуюсь, что сейчас ничего подобного с ней не произошло, она шла, улыбаясь всему миру.

На площади Матяша на крыльце одного из старых крытых соломой домов сидели старики. Покосившаяся деревянная лавочка скрипела под ними, и даже сидя они поддерживали свои палки, будто этим палкам тоже нужно было на что-нибудь опираться. Старики смотрели на Веру, пока она приближалась к их дому, и она всё думала, нужно ли ей с ними поздороваться, ведь по словам отца с незнакомыми людьми нельзя разговаривать, но эти незнакомцы были стариками, и так ласково на неё смотрели... А может быть, с теми, кто так на тебя смотрит, всё-таки стоит здороваться? В наставлениях её удивительно непоследовательных родителей ничего такого не упоминалось. Ответ на вопрос вдруг отыскался сам собой: как только Вера поравнялась с лавочкой, откуда ни возьмись налетел резкий ветер, так же внезапно вместо полуденного солнечного света сверху как из ведра хлынул ливень, и старушка с подвязанным шалью трясущимся подбородком вместе со стариком в чёрной шляпе, перепугавшись, сама же её и окликнула.

Вместе они прошли на веранду, а потом, когда и там застучал дождь, старики провели Веру в тёмную кухню и сунули ей в руки полотенце. Она хотела было отказаться, но с её светлых косичек ручьями стекала вода, а полотенце было мягким и тёплым. Вера пригрелась и успокоилась. Потом старики предложили ей поужинать и даже хотели дать несколько монет. Это так поразило Веру, что они не стали настаивать, но хотя бы яблоко непременно нужно было съесть, и когда она его надкусила, старики тоже принялись за еду, ужасно довольные, будто она сделала им большое одолжение.

Она не понимала, в чём дело, но впервые в жизни в душу к ней закрались какие-то беспричинные сомнения: что-то в этот вечер было с ней не так. Слишком уж долго она шла домой, куриными шажками, приставляя задник одной кеды к носику другой. Скрипели резиновые подошвы, дождь

закончился, стены церкви на площади Матяша ещё какое-то время желтели, солнце скатывалось всё ниже, а она вдруг встала столбом и зарыдала. Или нет, не зарыдала — ибо она не всхлипывала, только слёзы текли по её лицу: ведь никто кроме мамы с ней ещё не был так ласков. Вера, когда она плакала, плакала обо всех своих неудачах, она не была похожа на маму, которая могла плакать от радости или просто так. Но сейчас, несмотря на эту их несхожесть, она плакала как мама: с ней не случилось ничего плохого, но её тронуло, что эти старики так обрадовались, когда она всего лишь приняла их заботу.

Солнце скрылось позади дома, площадь посерела, повеяло прохладой. Задрожав, Вера направилась домой, вскоре перейдя на бег, книжки в портфеле громыхали за её спиной. Ей пришло в голову, что такие старики вполне могли бы быть персонажами какой-нибудь сказки или героями библейской притчи — именно там случаются такие добрые, странные и непостижимые вещи.

Вера была очарована стариками. Встреча с ними осталась далеко позади и уже казалась ненастоящей. Но прохладный сентябрьский вечер отрезвил девочку, и сейчас ей вспомнилось, как старик спросил у неё, чья она дочка, и она рассказала, что она дочка Татраи Белы, представившись, как её учил отец. Ей ещё никогда никому прежде не приходилось представляться, и она не понимала, для чего это: с незнакомцами разговаривать запрещалось, а знакомым людям не было нужды представляться. Но теперь вдруг наставления отца в самом деле оказались полезными: она протянула руку, — старушка и заплакала, и засмеялась сразу, невозможно было понять, чего больше, слёз или смеха, — и представилась:

«Очень приятно, Татраи Вера».

Старушка принялась целовать её руки. Отец ни слова не говорил, что при знакомстве следует ожидать чего-то подобного, и Вера не могла назвать это чем-то хорошим. Ей было немножко неприятно, но старушку не хотелось обижать, и она не стала отнимать руки. Старик сказал, что знал её деда, и почему-то хотел исправиться, добавив «то есть...», теребя бороду. Волосы у него остались только в бороде, совсем седые. Страшно шепелявя, он снова повторил «то есть...» — и снова запнулся, старушка бросилась ему на помощь: «Разумеется, это был он. А папа у Верочки — так она её ласково назвала — инженер». Да нет же, её отец военный, поправила Вера, и старики с облегчением рассмеялись. Они долго продолжали хихикать, хотя здесь не

было ничего смешного, приговаривая, что конечно, они подразумевали, что папа у неё служит в армии, но только ничего по долгу службы не рушит, а наоборот, строит — мосты, дамбы, и всякое в этом духе.

Вера кивала: это было знакомо, отец в самом деле часто рассказывал о мостах и реках, и намного меньше — о танках и солдатах. Эта мысль, к сожалению, отвлекла её, и она больше ничего не спросила о своих бабушке с дедушкой. Сейчас же, этим стылым вечером по дороге домой ей было так больно, будто случилась какая-то непоправимая ошибка. А ведь старик так много рассказывал о себе, как они с её дедом вместе сражались, вместе были на фронте, и что хороший человек он был, её дед. О маме её старик ничего не говорил, однако, если бы она спросила про всех них, то могло бы случиться, старики и рассказали бы что-нибудь неожиданное. Отец с мамой всегда повторяли одно и то же, что те оба рано умерли, увы, слишком рано умерли, — и никогда не поминали ни о чём интересном.

Подойдя к дому, Вера успокоилась и забыла обо всех своих сомнениях и тревогах. Она толкнула калитку, но та уже была заперта на засов и не поддавалась. Вера стала разглядывать длиннющий серый дом, по мнению её родителей — угрюмый и безобразный. Но ей очень нравился этот дом, он был так красив вечерами, когда загоралось множество окон. Окна напоминали крошечные зеркала, или, если точнее, гигантскую мозаику; весь дом был похож на светящуюся новогоднюю ёлку. Противоположная сторона этого дома была светлее, чем та, что виднелась от сада на улице Альфёльда, где они жили. Этому саду отец придавал большое значение, но ей он был совсем безразличен. Отец же считал, что она может вдосталь там играть, но он всё время забывал выкашивать в саду траву, и Вера совсем не могла играть в этих зарослях. Если бы мама снова тщетно просила её погулять в саду, а папа остался бы на службе, то они скорее бы пошли на детскую площадку, где было гораздо лучше, потому что там играли и другие дети — все, кто жил в красивой длиннющей многоэтажке. Поэтому сад не представлял для Веры никакой ценности.

Мысли её блуждали между длиннющим домом, яркими окнами, детской площадкой и садом, но когда её мама открыла дверцу калитки со словами «Я уже здесь!», перед глазами снова всплыл теребящий бороду старичок, и вновь её охватили сомнения. И смутные эти мысли вдруг оказалась знакомыми: она поняла, что они возникали у неё почти всегда, когда речь заходила о ней или её родителях. Только до сих пор почему-то она не

сопоставляла их друг с другом. Но нерешительное молчание старика напомнило все недомолвки, убегающие в сторону взгляды, и теперь все эти случаи, как будто они были школьными тетрадями с чёткими надписями, она могла бы перечислить без запинки. Такое бывало в школе, в магазине, на тренировках и на танцах, — словом, куда бы она ни шла, всюду случалось, что кто-нибудь в конце концов заговаривал о ней и внезапно умолкал, будто что-то непонятное, тайное приходило в его голову. И старик этот тоже, когда заговорил про её деда, отчаявшись подобрать слова, почти замолчал от испуга.

Дверь открылась, и мама бросилась обнимать Веру, но та едва ответила на её объятия: её сковало ужасное, леденящее душу открытие.